

УДК 811.311

ПРИРОДНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕПСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ*

И. И. Муллонен

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье на материале топонимии реконструируются границы исторической вепсской этнической территории. Выявляются природные (ландшафт, климат, характер почв) и культурные (земледелие, местные и транзитные водно-волоковые пути, контакты с соседними этносами) причины формирования границ. Доказывается, что, сформировавшись на рубеже I – II тыс. н. э. в бассейне рек Юго-Восточного Приладожья, вепсская этническая территория в последующие века расширялась в южном и восточном направлении за счет освоения Онежско-Ладожского перешейка и Обонежья и к XV веку вписывалась в границы Заонежской половины Обонежской пятины. Соответственно, области, располагавшиеся за ее пределами в Белозерье, верховьях рек Волжского бассейна, в среднем Поонежье, осваивались на следующем этапе, в результате проникновения туда вепсских выходцев из Обонежья и Юго-Восточного Приладожья.

Ключевые слова: культурный ландшафт, Обонежье, топонимия, прибалтийско-финские языки, вепсы, этническая история

I. I. Mullonen. NATURAL AND CULTURAL FACTORS BEHIND THE FORMATION OF THE VEPSIAN ETHNIC RANGE

Drawing upon toponymic materials we reconstruct the boundaries of the historic Vepsian ethnic range. The natural (landscape, climate, soils) and cultural (horticulture, local and transit boating-and-portage routes, contacts with neighbour ethnic groups) causes of the boundary formation are identified.

Key words: cultural landscape, Obonezhje, toponymic, vepsians, ethnic history.

Территория современного вепсского расселения тяготеет к верховьям небольших лесных рек на водоразделе Балтийского и Волжского бассейнов. Такая характеристика ареала однозначно маркирует его как остаточный, сформировавшийся в результате поэтапного сокращения,

* Статья выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории» и в рамках проекта «Создание ТИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» (грант РГНФ № 12-04-12009).

вызванного обрусением традиционных вепсских поселений, занимавших в прошлом более обширную территорию в бассейне названных рек, вплоть до низовий, и выходявших за их пределы. Становление вепсского ареала в его современных границах – интересная проблема в плане понимания механизмов и составляющих формирования этнических территорий. Однако понятно, что в этом случае главным фактором будет процесс поэтапной смены этноязыкового сознания с вепсского на русский. В данной статье ставится задача описания границ исторической вепсской

территории. За рубежами современного вепсского языкового ареала, особенно на соседствующих с ним территориях, сохранились многочисленные следы былого вепсского наследия. Топонимия в силу ее исключительной устойчивости во времени позволяет провести реконструкцию глубины в несколько сот лет. При написании статьи использованы некоторые наработки предшествующих исследований автора, вписанные в контекст новых результатов.

Логично думать, что в формировании вепсского этноязыкового ареала было несколько этапов. Видимо, один из них – один из ранних – маркирован археологическими памятниками приладожской курганной культуры рубежа I–II тысячелетий н. э., представленными в Юго-Восточном Приладожье – в бассейнах рек Сяси и Тихвинки, Воронежки и Свири с притоками Пашой, Капшой и Оятью, впадающих в Ладожское озеро с юга, а также на реках Олонке, Тулоксе и Видлице, восточных притоках Ладоги. Очевидно, сфера вепсского этнического воздействия распространялась и до северного побережья Онежского озера, где известны курганы приладожского типа у сел Кокорино и Челмужи [Кочкуркина, 2011. С. 74] – в этапных пунктах на водно-волоковом пути, пересекавшем Заонежский полуостров. Автору этой статьи уже приходилось писать о том, что ареал средневековой приладожской курганной культуры маркируется/сопровождается одной показательной топонимной моделью – ойконимами, т. е. названиями поселений с формантом -I, который в результате русской адаптации преобразовался в -ичи/-ицы: *Винницы* из *Vingl*, *Валданицы* из **Valdal* и др. Считается, что данная модель маркирует территорию относительно раннего расселения. Это названия своеобразных «родовых» деревень, центров, откуда происходило затем вторичное заселение территории [Nissilä, 1961. S. 91–92; Муллонен, 2002. С. 84–98]. Некоторые из топонимов этой модели упомянуты уже в самом раннем историческом документе, известном для территории Присвирья – т. н. приписке к Уставу князя Святослава Ольговича XIII в., что свидетельствует в пользу хронологически раннего бытования модели. Вполне вероятно, вепсские истоки кроются и за некоторыми ойконимами данной модели в ливвиковском Приладожье, однако из-за случившегося тут в более позднее время притока карельских ойконимов, образованных по этой же модели, различить их практически невозможно. Есть основания полагать, что традиция погребения, заложенная создателями курганов и постепенно исчезающая в Приладожье с продвижением новгородского влияния, продолжалась – уже в

форме грунтовых могильников вплоть до XVI в. на водоразделе рек Балтийского и Волжского бассейнов [Башенькин, 1994]. Именно здесь, в глухих местах на верховьях средневепсской Капши (бассейн Ладожского озера) и верхнем течении южновепсской р. Лидь (бассейн Волги) обнаруживается одна показательная топонимная модель: ср. южновепс. *Kaamišt* и средневепс. *Koumišt*, букв. ‘кладбище’ (отметим, что эта лексема не используется в современных вепсских говорах для обозначения кладбища). Данный топоним привязан к объектам, почитаемым в качестве мест, где жители захоронили себя, спасаясь от литвы (вариант: от турков). Этнографы полагают, что первоначально это были священные кладбища, на которых похоронены предки – покровители рода [Винокурова, 1988. С. 11]. Вологодский археолог Башенькин, проводивший в конце 1980-х годов раскопки в урочище *Kaamišt* в Чайгино, интерпретировал культуру как курганы XI–XII вв., сходные с приладожскими. С позиций топонимического маркирования показательно, что ойконимы с формантом -I представлены во множестве на верхней Капше (*Ozroil*, *Haragal*, *Korbal*, *Nürgoil* и др.), накладываясь на ареал топонимной модели *Koumišt*. Южнее, на Лиди, такого наложения нет; очевидно, модель *Kaamišt* (а также связанные с названными ею местами традиции) имела здесь, на окраине ареала, несколько более долгую жизнь, чем -I-овая ойконимная модель.

В качестве промежуточного итога можно констатировать, что ранний этап в формировании вепсской этнической территории характеризовался привязкой ее к нижней, приустьевой части рек бассейна Ладожского озера, далеко не всегда распространяясь на всю реку. Одновременно, однако, уже намечаются основные направления дальнейшего освоения территории – Обонежье и Белозерье.

На реках Сясь и Тихвинка практически не удастся обнаружить надежных топонимических следов вепсского пребывания. Очевидно, рано попав в зону новгородского продвижения, они утратили то вепсское наследие, которое просматривалось в курганах начала II тысячелетия. Впрочем, глухие отголоски вепсского присутствия на Тихвинке – топонимы *Чудцы*, *Чудская*, *Чудское* в верхнем течении реки. В соответствии с ономастической универсалией топонимы с этнонимическими основами маркируют территорию пограничного расселения этноса. В нашем случае они отражают вепско-русское пограничье на определенных периоды в прошлом (рис. 1). Неким

оригинальных вепсских названий (типа *Вадозе-ро*, *Кангозеро*, *Самозеро*, *Вехручей*, *Курручей*) и маркируют на севере территорию, прибалтийско-финское население которой через процесс билингвизма перешло на русский язык. К югу от реки Тихвинки (и – добавим – границы исторической Обонежской пятины) полукальки отсутствуют полностью, что указывает на иной тип «финско»-русских языковых отношений. Кроме того, от Тихвинки на север, вплоть до современных вепсских территорий по рекам Паше, Капше и верховий Лиди обнаруживается надежный вепсский субстратный пласт в топонимии, свидетельствующий о поэтапном обрусении исторического вепсского ареала, продвигавшегося с Тихвинки. В качестве примера можно привести топонимию территории Койгушского погоста XVI века, который граничил с юга с Озерским погостом, привязанным к верховьям реки Тихвинки, а с севера – с Пелушским, располагавшимся в верхнем течении реки Лиди, являющемся и сейчас еще вепсской в языковом отношении территорией. Анализ топонимии свидетельствует о том, что в прошлом, причем относительно недавнем, деревни на территории исторического Койгушского погоста были вепсскими. Топонимический массив этой территории включает убедительные примеры топонимов с вепскими истоками. Вепские корни характерны для ойконимов (наименований поселений) *Койгуши* < *Койвуши: вепс. *koiv* ‘береза’ и *Пудрино*: вепс. антропоним *Pudr*, восходящий к соответствующему аппеллятиву *rudr* ‘загуста, мучная каша’. Вепское наследие представлено и в других топонимных разрядах, главным образом в наименованиях объектов, удаленных от поселений, – лесных урочищ, озер, болот: *Оласово болото*, *Сусарь*, *Мумсарь*, *Курручей*, *Лепозерки* и др. О вепском прошлом современных русских деревень данного района свидетельствует и то, что в деревне Пятино в 1916 г. финляндские исследователи Э. Н. Сетяля и А. О. Вайсянен, а в 1917 г. Лаури Кеттунен записывали образцы вепсской речи [Väisänen, 1969; Kettunen, 1918]. До сих пор дер. Пятино разделяется на две части: *Чухарское Пятино* и *Русское Пятино* [Йоалайд, 1989. С. 78]. Такое же деление на русскую и вепсскую часть известно в Дмитрово (*Русское Дмитрово* и *Чудское Дмитрово*).

Уже упомянутые выше топонимические факты (ойконимы -l-ового типа, топонимная модель *Kaamišt*) свидетельствуют о проникновении вепсского компонента в верховья реки Лидь, входящей в бассейн Верхней Волги, с севера, т. е. с сопредельной территории верховий рек Паши и Капши (реки Балтийского бассейна), где располагается средневепсский ареал. При

этом наличие вепсского наследия на Лиди ниже оз. Лидского прослеживается очень слабо. Создается впечатление, что озеро Лидское было своего рода границей вепсского расселения на юг по Лиди, поскольку южнее начинались заболоченные на десятки километров, практически до устья реки, берега. Видимо, определенным сдерживающим фактором проникновения вепсского заселения вниз по Лиди служило и раннее русское освоение Лиди ниже озера Лидского, распространившееся сюда с юга, с попавшей рано в зону новгородской колонизации реки Чагоды. Доказательством этого служит присутствие тут древнерусского новгородского типа ойконимов на -гост/-гощ (*Радогощ* – русское название вепсского поселения *Arskahť*, *Тургощ* в нижнем течении р. Лидь и упоминаемая в составе Койгушского погоста «дер. на *Домогоще*» [ПКОП. С. 51]), а также таких топонимов, как *Жальник* или *Лющик*, в которых отразились древние новгородские лексемы.

Не имея возможности распространяться в меридиональном южном направлении и подпираемое с юга ранней русской колонизацией, вепсское освоение направляется на запад и восток от Лиди – соответственно на верхние притоки Паши [Муллонен, 2006. С. 225, 229–230] и реку Колошму (бассейн реки Суды). Тем самым формируется и упрочняется на этом участке южная граница исторического вепсского ареала. Справедливости ради стоит отметить, что это происходит относительно поздно: отмеченная связь прослеживается по поздним микротопонимическим фактам и не подтверждается традиционными ранними моделями. Характерно также присутствие на водоразделе Лиди и Колошмы – верхнего притока Суды – озера с названием *Pyhärv*, рус. *Святозеро*. Исследование «святых» гидронимов в вепсском ареале убеждает в том, что такие топонимы привязывались к пограничным, окраинным водным объектам и маркировали первоначально границу своей, освоенной территории [Муллонен, 2002. С. 145–155].

Топонимия и историческая география демонстрируют, что и другая река Верхневолжья – Суда – осваивалась вепсами с верховий рек бассейна Ладожского озера, прежде всего, реки Ояти. Будучи сейчас русской в языковом отношении территорией, верхняя Суда (поселения на реках Колошма и Ножема) сохраняет убедительные вепсские следы в топонимии [см. подробнее Муллонен, 2007].

Топонимическим подтверждением связи с Оятью служит название озера *Маткозеро*, из

которого вытекает река Колошма. Оно восходит к вепсскому слову *matk* 'путь, дорога', которое традиционно использовалось в прибалтийско-финской топонимии для называния водораздельных озер, через которые проходил путь из одной водной системы в другую. Собственно, в топониме закрепилось древнее значение слова, которое первоначально означало не любую дорогу, а волок, т. е. сухопутный участок водно-волоковой дороги, перешеек между водными участками пути [SSA]. Озеро Маткозеро отделяется от бассейна Ояти как раз таким 300-метровым перешейком. При этом информантам известно, что когда озеро весной переполняется, вода может вытекать не только в Колошму, но и в обратном направлении – в Оять. Логично предполагать, что именно через этот коридор осуществлялась связь между вепсами Ояти и бассейна Колошмы и именно с Ояти могло произойти заселение Колошмы. Добавим, что описанным водно-волоковым путем и сейчас пользуются местные рыбаки и охотники.

Есть основания полагать, что эти связи имеют глубокую историю. Исторически вепские поселения Ояти, а также Шимозера и Пяозера с окрестностями, с одной стороны, и рек Суды с Колошмой и Ножемой, с другой, входили в разные административные подразделения. В XV в., после присоединения новгородских земель к Москве, Пяозеро и Шимозеро с окрестностями оказались на юго-восточной окраине Заонежской пятины, в то время как Суда принадлежала административно к белозерским землям (Бежецкая пятина). При этом, судя по данным писцовых книг Обонежской пятины 1496 г., Пяозеро, входившее в состав Оштинского погоста, представляло собой обширный куст поселений из 12 одно- и двухдворных деревень. Еще более разросшимся гнездом поселений представлено соседнее Шимозеро. Населены и другие окрестные вепские пункты: Линжозеро, Торосозеро, Кленозеро, Нажмозеро.

Совсем иначе выглядит ситуация за юго-восточными пределами Обонежской пятины, на землях Белозерского края. Судя по карте землевладения Белозерского края конца XV в. [Копанев, 1951], Суда с ее притоками была далекой малоосвоенной окраиной Белозерья. На реке отмечено только два погоста: Колошемский (на реке Колошме) и Чужбой (на месте современного села Борисово-Судское). При этом оба располагаются в верхнем течении реки, что необычно, если исходить из традиционного для заселения территории продвижения освоения с низовьев, но естественно, если предпо-

ложить, что верховья Суды, точнее, ее верхние притоки Колошма и Ножема заселялись с северо-запада, с территории Заонежских погостов. Топонимия подтверждает данное предположение и показывает явную связь Верхней Суды с верховьями реки Оять, которая является рекой Ладожского бассейна и населена носителями средневепсского диалекта, представленного и в Вологодской области, куда последний был принесен оятскими переселенцами.

Как далеко на юг по Суде продвинулось вепское освоение? Знакомство с картой заселенности побережий Суды свидетельствует о том, что и сейчас относительно плотно освоено только самое верхнее течение реки, а ниже Борисово-Судского берега реки довольно пустынно. В этом контексте показательны данные русской диалектологии о существовании мощной языковой границы, отделявшей бассейн «чудской» Суды от более восточных территорий Белозерья с относительно плотным русским освоением [Чайкина, 1975. С. 141]. Иначе говоря, Суда осталась в стороне от торной дороги русской колонизации, которая, выходя с Шексны на низовья реки, предпочитала далее продвигаться на север не по Суде, а по ее левому притоку реке Андоге, выведившей на восточный берег Белого озера. Суда, таким образом, не привлекла особого внимания ни у вепсов, распространявшихся вниз по реке, ни у русских, осваивавших ее с низовьев. Причины такой ситуации кроются, видимо, в неблагоприятной для земледельческого освоения обстановке на Суде, побережья которой в среднем течении сильно заболочены. Кроме того, активная русская колонизация обошла Суду стороной, поскольку путь по ней вел практически в тупик, к глухому водоразделу. При этом в гидронимии здесь в целом достаточно равномерно представлен довепсский субстрат.

Все вышесказанное означает, что южная граница вепского освоения на этом участке была привязана к району Борисово-Судского – обширного куста поселений в верхнем течении реки Суды (рис. 1). Топонимически пограничность этой территории наглядно просматривается, к примеру, в ареальной оппозиции двух моделей, использующихся в качестве наименований болот, точнее, островков леса на болотах. Это, с одной стороны, модель с детерминантом -сарь, имеющим явные прибалтийско-финские (в нашем случае вепские) истоки, ср. вепс. *saŋ* 'остров': *Сосарь* 'болотный остров', *Койсарь* 'березовый остров', *Персарь* 'задний остров'. С другой стороны, ей противостоит модель с основным элементом -солово, за которым стоит древний ландшафтный термин, выступающий

в ряде прибалтийско-финских языков (финские говоры *salu*, эстонский *salu*), а также в саамском (*suolo* < **sōlōj*) в значении 'остров, в том числе на болоте' [SSA]: *Чёлсолово, Карсолово, Кейбосолово, Шаньшолово*. Ареал топонимов с элементом -соло(во) тянется от Суды на восток к Белому озеру. Кроме того, к востоку от Белого озера обнаруживается еще два более компактных очага этой модели – в районе оз. Воже и верховьях реки Моши на западе Архангельской области [Матвеев, 2001. С. 225]. Этот белозерский (в широком плане) ареал в комплексе с этимологической трактовкой термина позволяет предполагать в нем языковое наследие древнего неведского населения данной территории. Выявленный топонимический элемент входит в весьма выразительный ряд финно-угорских топонимов Белозерья, который трактуется исследователями как саамский, прасаамский или праприбалтийско-финско-саамский, т. е. принадлежавший общему предку прибалтийско-финских и саамских языков. Высказывается также гипотеза об отдельном прибалтийско-финском языке южной группы, бытовавшем в Белозерье [Saarikivi, 2006]. По мере накопления новых материалов все более актуальным становится уточнение этого достаточно аморфного определения и вычленение в районе Белозерья особого языкового типа, который может быть условно назван «ведским», т. е. принадлежавшим летописной белозерской веси, постепенно растворившейся в южной части ареала в потоке новгородского освоения, а в северной – в более позднем прибалтийско-финском (ведском), воспринявшем этноним от своих белозерских предшественников. Повторимся еще раз, что в топонимии среднего и нижнего течения рек Лиди и Суды не обнаруживаются убедительных системных ведских признаков, позволяющих реконструировать ведское прошлое территории. Основная причина отсутствия интереса кроется, очевидно, в неблагоприятных для земледельческого освоения условиях. Кроме того, отсутствие моделей, привязанных к территории первоначального освоения, свидетельствует о вторичном, относительно позднем проникновении вепсов на верховья рек Волжского бассейна.

Описанная ситуация особенно заметна на фоне смежной территории, прилегающей к малым рекам Онежско-Белозерского водораздела. Анализ топонимии территории Онежско-Белозерского водораздела убеждает в том, что на ней представлены разные стадии перехода из ведского языкового состояния в русское. В самых глухих углах территории сохранились последние ведские деревни – Пяозеро (*Päzär*),

Шимозеро (*Šimgär*), Пондала (*Pondal*), Войлахта (*Voilaht*) и некоторые другие. В притяжении дорог расположились поселения, о ведском прошлом которых доподлинно известно: Сяргозеро (*Särgär*), Куштозеро (*Kuštar*), Ундозеро (*Undär*) и др. К ним примыкает целый ряд поселений с мощным ведским субстратом в топонимии, позволяющим реконструировать их ведское прошлое. Побережья более крупных рек, прежде всего Кемы и канала, соединявшего Онежское и Белое озеро, представлены русскими поселениями с относительно слабым ведским субстратом в топонимии. Речные побережья были проводниками русского воздействия, которое распространялось от устьев рек к их истокам. В устье Кемы, непосредственно на северном побережье Белого озера, ведский пласт топонимов практически неуловим, хотя ряд гидронимов, а также наименования здешних волостей имеют бесспорные прибалтийско-финские истоки: название волости *Киуй*, упоминаемой уже в ранних письменных памятниках, восходит к **Кивуй* < **Kivoja* 'каменный ручей', в имени не менее известной по историческим источникам волости *Киснема* второй элемент -нема сопоставим с ведс. *nem* 'мыс'. Толщина ведского слоя в топонимии Кемы увеличивается по мере продвижения с низовьев реки, т. е. с северного побережья Белого озера, к верховьям и в сторону от речного побережья. Топонимия позволяет реконструировать целый ряд здешних центров, дольше других в этом районе оставшихся ведскими (села Индоман, Ярбозеро, Корбозеро, Кемозеро). На них, к сожалению, не оказалось своего Леннрота, успевшего зафиксировать в них «чудь», как это случилось с т. н. Исаевской волостью, что на границе бассейна Кемы и Онеги, где Элиасу Леннроту, пробиравшемуся в 1842 г. по Архангельскому тракту, удалось зафиксировать остатки ведского населения. Оно продолжало бытовать там еще и в конце XIX в. [Basilier, 1890]. В качестве примера приведем здесь некоторые топонимы с ведскими истоками из окрестностей села Индоман Вашкинского района Вологодской области, расположенного при впадении реки Индоманки в Кему. Среди них не только устойчивые во времени гидронимы, но и микропонимы, жизнь которых обычно менее продолжительна: руч. *Мягручей* (ведс. *mägi* 'гора'), текущий с горы *Кукосельга* < **Kukoisel'g* (здесь *kuko* выступал скорее не в значении 'петух', а как географический термин *kuk-* 'холм, гора'); руч. *Лепручей* (ведс. *lep* 'ольха'); сельскохозяйственное угодье *Едлегома*, в котором второй элемент -гома восходит к ведс. *nom* 'подсека'; урочище с глинистыми почвами *Саесельга* < **Savisel'g* 'глинистая сель-

га', урочище *Пихково* (вепс. *pihk* 'густое мелко-лесье; молодой ельник'), которое делилось на отдельные участки: *Мишин Лепак*, *Ванин Лепак* и др. (местное говорное слово *лепак* 'кусок' сопоставимо с вепс. *šlirak* 'лоскут, кусок'); непро-сыхающая лужа в низине *Уйты* (вепс. *uit* 'большая непересыхающая лужа'); *Костручей*, впадающий в реку Индоманку у Косинского порога, что позволяет реконструировать в основе **kosk* 'порог'; покос *Пурдога* (вепс. *purdeg* 'родник'); небольшой залив на реке Кеме между островом и берегом *Уйга* (вепс. *uig* 'закоулок') и некоторые другие.

Итак, вепсское прошлое Онежско-Белозерского водораздела не вызывает сомнений, при этом освоение рек бассейна Белого озера происходило через водораздел, разделяющий их с реками бассейна Онежского озера (Водлица, Мегра, Вытегра, Андома).

На юго-восточном побережье Белого озера и прилегающей к нему территории вепсский топонимический пласт практически неуловим, в то время как на юго-западном он просматривается, хотя и уступает по представительности неведскому субстратному финно-угорскому пласту. Вепские истоки восстанавливаются тут в ряде микротопонимов, типа остров *Токсарь* (вепс. *-saŋ* 'остров') на оз. Азатском, мыс *Веромень* (-мень из -пет 'мыс') на оз. Новозеро, подсечное урочище *Яргумзь* < **Järv/houmez*, букв. 'озерная подсека' на берегу Андозера и др. Для окончательного решения вопроса о юго-восточной и – добавим – восточной границе ареала вепсской топонимии предстоит дать ответ на сложный вопрос об этноязыковых истоках субстратной доведской топонимии, чтобы установить критерии ее отличия от вепсской топонимии, а также механизмы усвоения последней этого предшествующего пласта названий. Проиллюстрирую сказанное одним показательным примером.

В вепсской топонимии в наименованиях болотистых мест активно используется топонимослова *rehk-* с прибалтийско-финскими истоками и изначальной семантикой 'гнилая трухлявая древесина': *Pehkso* (многократно), *Pehkiso*, *Pehkišt*, в русском усвоении *Пехтболото*, *Пехтач* и др. Возникает вопрос, как она соотносится с широко представленной в топонимии Белозерья и Поонежья (бассейн реки Онеги) субстратной севернорусской лексемой *похта* ~ *пахта* 'болото', принимая во внимание фонетическое соотношение приб.-фин. *e* (преимущественно в заднерядных основах) > севернорус. *a*: *вахта* – *vehka*, *вагмас* – *vehmasto*, *шалга* – *šalgä* и др.? Если речь идет об особен-

ностях усвоения вепсской лексемы в русские говоры, то тогда исторический вепсский ареал можно значительно расширить, включив в него помимо Белозерья еще и смежные с ним территории верхней Онеги. При этом приходится признать, что вепско-русские контакты в Белозерье восходят к тому раннему периоду, когда приб.-фин. *a* мог передаваться как *o*, порождая в здешних русских говорах вариант *лохта*. Восточнее, в бассейне Онеги, представлен вариант *пахта*. Но *пахта* ~ *похта* могут в принципе являться наследием того этноязыкового коллектива, отличного от вепсского, хотя и родственного ему, который оставил многочисленные следы в Белозерье (например, представленные выше топонимы с детерминантом *-солово*). Исходя же из того, что в ареале Онежско-Белозерского водораздела отсутствуют топонимические модели, маркирующие ранний этап вепсского расселения, очень незначителен процент вепсских гидронимов и в то же время присутствует мощный неведский пласт названий, напрашивается вывод об отсутствии бесспорных веских оснований считать субстратную топонимию Белозерья вепсской. При этом, однако, следует признать, что в ней просматриваются некоторые единичные вепсские следы, связанные, очевидно, с поздним немассовым внедрением выходцев с вепсских территорий.

Похожий результат дает и анализ смежной поонежской (т. е. привязанной к бассейну реки Онеги) топонимии. В то время как южное и восточное Обонежье входят в ареал бесспорной вепсской топонимии, хотя и не самой ранней, за восточными пределами бассейна Онежского озера вепсское наследие представлено редкими примерами микротопонимов. Ареальный анализ доказывает, что последние проникли за пределы Обонежья через известные волоки, связывавшие Водлозерье с Кенозерьем, а реку Водлу через приток Колоду с Лекшмозером. В качестве примера дифференцирующей вепсской модели приведем здесь топоним *Palte*, см. вепс. *palte* < **palteg* < **palttek* 'склон, косогор' (рис. 2). Из карты явствует, что он бытует на вепсской, а также смежной ливвиковско-людиковской территории, сформировавшейся в ходе карело-вепсского языкового контактирования. Модель известна также в русском Обонежье, в том числе в восточном, чаще всего в виде *Палтега*, в названиях сельскохозяйственных угодий. В западной части Каргополья, в окрестностях д. Морщихинской наша картошка зафиксировала название поля *Палтеги* как знак вепсского прошлого территории.

В связи с поиском вепсских следов в Поонежье вновь оказывается обозначенной проблема, высветившаяся в ходе дистрибуции вепсских и довепсских моделей в Белозерье. Возможным критерием для их различения является ареальная характеристика. В то время как модели, однозначно трактуемые как вепсские, просачиваются через восточную

границу Обонежья, довепсские объединяются в единый ареал с Белозерьем и выходят на реку Онегу через известный Ухтомский волок. Это обстоятельство еще раз свидетельствует против активного освоения прибалтийско-финскими вепсами Белозерья и одновременно указывает на Обонежье как на регион вепсских интересов.

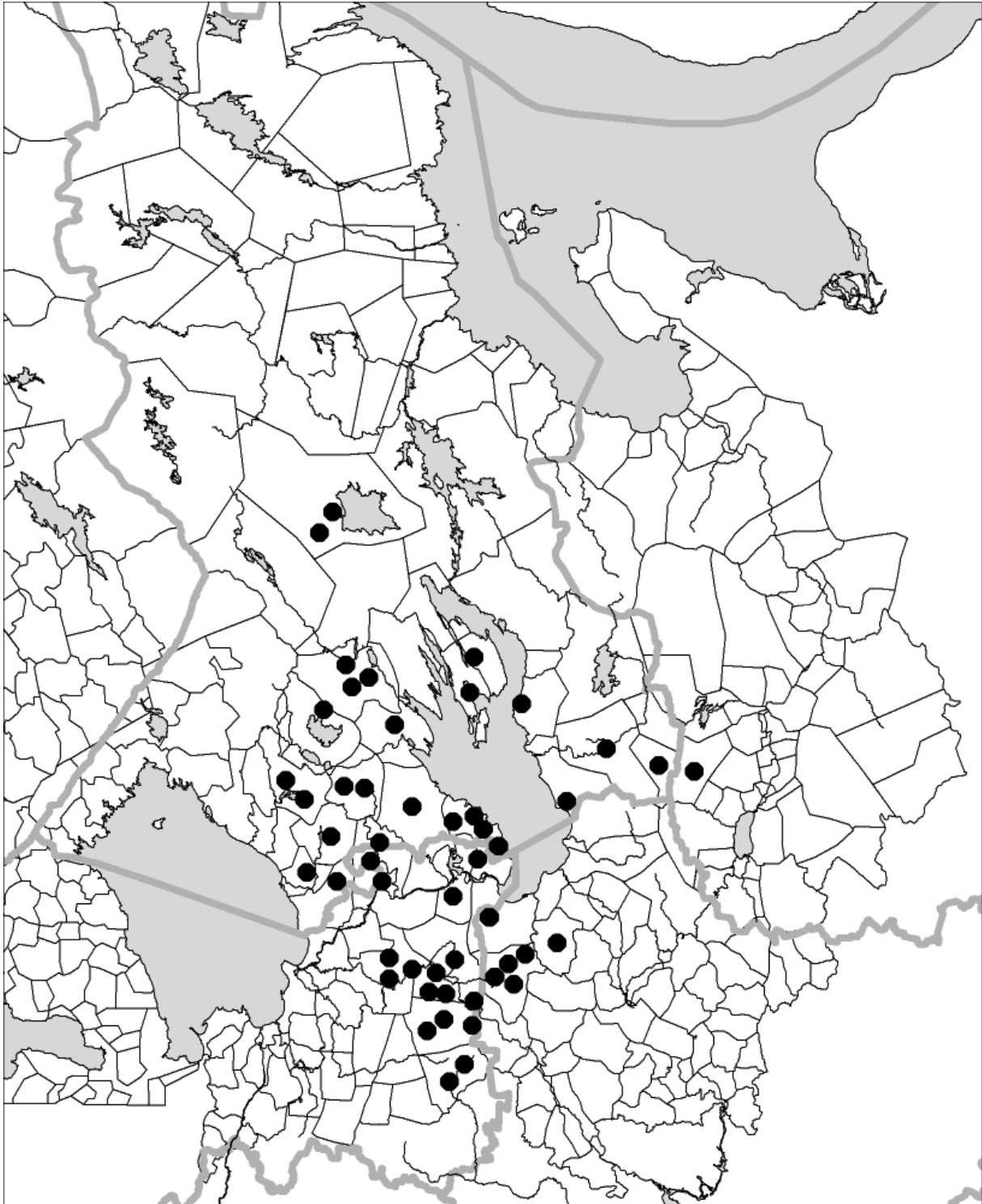

Рис. 2. Ареал вепсской топонимии *Palte*- 'склон, косогор'

Северная граница исторической вепсской этнической территории определяется по топонимическим данным четче, чем восточная. Вепсы, освоив путь из Присвирья в северное Обонежье, селились на Заонежском полуострове, оставив в память о себе помимо археологических памятников некоторые размытые временем и адаптационными процессами следы в топонимических основах, типа дер. *Пурдега*, мыс *Бурднаволок*, покос *Бурда* в южном Заонежье: вепс. *purde* 'ключ, родник', зал. *Кара*, мыс *Карнаволок* и некоторые другие в северо-восточном Заонежье: вепс. *kara* 'небольшой залив, бухта' и пр. При этом некоторые вепсские модели обнаруживаются и севернее, вдоль транзитного водно-волокового пути из Заонежья в Беломорье. Так, на водоразделе между Онежским озером и Выгозером исторические и современные источники фиксируют названия поселений *Тикиницы*, *Тайгиницы*, *Пижиничи* и *Койкиницы*, в которых формант *-ицы/-ичи* маркирует русскую адаптацию оригинальных вепсских ойконимов с антропонимной основой. Истоки модели – в вепсском Присвирье, откуда она проникла в Заонежье и севернее. Ее распространение отмечает путь между средневековыми Челмужским и Выгозерским погостами и позволяет реконструировать один из важных участков на пути из Обонежья в Беломорье через Челмужи, реку Немину, с которой выходили на Выг выше серии порогов в районе современного поселения Шелтопорог, и далее вдоль Выга на Выгозеро. Севернее Выгозера модель отсутствует, поскольку она маркирует сельскохозяйственный тип освоения территории [Муллонен, 2002. С. 84–98], который по природно-климатическим условиям севернее был затруднителен.

Картографирование топонимических моделей с вепсскими истоками устанавливает, что из карты в карту северная граница ареалов пересекает центральную Карелию и проходит от северо-восточного угла Ладожского озера на западе к Выгозеру на востоке (рис. 1). Поиск причин обращает к обозначенной выше связи ареала вепсской модели с сельскохозяйственным характером освоения территории. Известно, что исходным фактором рождения культурных границ являются климатические и ландшафтно-географические составляющие. Показательно в связи с этим, что северная граница вепсской топонимии повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также южной климатической зоны [см. карту растительности в КЭ, С. 26]. При этом важно, что природная граница оказывает

ся и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях от районов, где таковое малоэффективно. Этот вывод поддерживается результатами картографирования топонимов, сложившихся на основе прибалтийско-финской лексики *niini* 'липа' (*Niinisel'gy*, *Nin'sel'g*, *Нисельга* 'Липовая сельга', *Nisar* 'Липовый остров', *Niin'oja* 'Липовый ручей' и др.) и соответственно русской *липа* (*Липовец*, *Липняги*, *Липовая сельга*, *Липовый бор* и др.) В данном случае принципиальное значение для картографирования имеют даже не языковые истоки топоосновы, а ареал ее бытования в топонимии, отражающий реальные границы территории произрастания дерева. Липа, как известно, растет на более богатых почвах, и к местам ее произрастания приурочены сельскохозяйственные угодья. Липа представлена в южной Карелии до линии Вяртсиля – оз. Сямозеро – д. Шуньга. К востоку от Онежского озера она редка и произрастает здесь прежде всего в долине рек Водлы и Колоды [Кравченко, 2007]. Именно эта северная граница вырисовывается и по данным топонимии, подтверждая тем самым сельскохозяйственные приоритеты создателей топонимной модели.

То, что северная граница вепсской топонимии совпадает с северной границей произрастания липы, должно, видимо, толковаться таким образом, что средневековые вепсы, осваивавшие территорию Карелии, были земледельческим населением, и именно эта особенность экономики определяла границы территории обитания. К этому следует добавить, что подтверждаемая топонимически северная граница вепсского этнического ареала является одновременно северной границей ливвиковской и людиковской этнических территорий, которые, как известно, сформировались в ходе поэтапной карелизации вепсского этноса. Одновременно высвечивается еще одна важная связка, а именно наложение на значительном протяжении реконструированной этнической границы на северную границу Обонежской пятины. При этом территория, тяготеющая к северо-западному Обонежью (верховья рек Выг и Водла выше Водлозера), в силу скудости здешних почв и рискованных для земледелия условий была освоена чрезвычайно слабо. В то же время некоторые топонимические факты (гидронимная основа *Сара-*, бытование гидронимного форманта *-нжа*) свидетельствуют о вепсских интересах на транзитном водно-волоковом пути, соединяющем Онежское озеро и Белое море, во всяком случае в южной его части, включая Выгозеро.

Переходя к реконструкции западной границы вепсской территории, напомним, что речь о ней уже шла в самом начале статьи, в связи с ареалом курганов Юго-Восточного Приладожья, распространявшимся вдоль побережья Ладожского озера на север вплоть до реки Видлицы. Вепсские топонимные типы, кажется, позволяют полагать, что вепсы продвинулись в свое время несколько севернее и были представлены во всяком случае в бассейне реки Уксы (рис. 1). Подтверждением данного тезиса служит фонетический облик гидронима, сформировавшийся в результате карельского освоения вепсского оригинала. Поиски истоков этимологии названия реки *Уксы* (карел. *Uuksu*) позволили ввести ее в один ряд с целой группой топонимов Онежско-Ладожского водораздела, в которых вепсское сочетание звуков *-ht-* было преобразовано в ходе карельского освоения в *-ks-* и соответственно введения в ряд слов, в которых в карельском происходит преобразование сочетания *ht > kš* в позиции перед *i* (таких, как *lakši : lahden* 'залив : залива'). Ср. примеры с бывшей людиковской территории: остров *Куйвахта* или *Куйвахда* в заливе Великая Губа, ср. однотипные названия *Куйвас* и *Куйвакса*, где к основе *kuiva* 'сухой' присоединяется формант *-as*; урочище *Илехта*, в ПКOP XVI века Ылюхта («в Ылюхте») в окрестностях дер. Мелойгуба < Илекса: *ylä-* (возможно, более узкий саамский вариант *äl-*) 'верхний' + суффикс *-s:-kse*; урочище *Кокшаконда* в Заонежье < *Кохтаконда: *-конда* < *kontu, kondu, kond* 'однодворная деревня', *kohta, kohtu, koht* 'место напротив' и др. Этот ряд возможно дополнить диалектной лексемой, зафиксированной словарем русских говоров Карелии: *лукша* 'заливной луг или пашня возле излучины реки' в Кондопожском районе [СРГК], бывшем еще в относительно недавнем прошлом людиковской в языковом плане территорией. Исходя как из значения термина, так и из ландшафтно-географической привязки названных им объектов (ср. в западном Заонежье *Лукса, Лукша, Подлукса*, все стабильно наименования сенокосных угодий у берега реки), в качестве исходного нужно предполагать люд. *luht, luhte*, вепс. *luht* 'заливной луг, низкое сырое место'. Надо полагать, что в ходе языкового карело-вепсского контактирования происходило своего рода приспособление старых названий к новым языковым реалиям, при этом отсутствие семантической составляющей, а также, видимо, редукция последнего гласного в топоосновах, свойственная вепсской фонетике, приводили к включению их в фонетический ряд, в который они изначально

не входили. Подобно тому, как *luht > лукса*, так, возможно, и топонимическая основа *Uht-* была усвоена в южной Карелии, на границе исторического вепсского и карельского языковых ареалов, как **Uks-* (> *Uuksu-*). В свою очередь, исходный фонетический облик **Uht-* подтверждается географической характеристикой реки, которая впадает в Ладожское озеро в основании длинного (более 10 км) мыса. Чтобы избежать длительной поездки вокруг мыса, его пересекали посуху, по волоку, который в языке доприбалтийско-финского населения края обозначался финно-угорским словом **ukt-* > **uht-* 'волок, сухопутный участок пути между водными маршрутами' [Муллонен 2002]. Основа *Uht-* неоднократно фиксируется в топонимии Карелии и смежных территорий в названиях волоковых объектов, однако в южной Карелии, в зоне карело-вепсского контактирования древний термин, усвоенный вначале вепсскими насельниками края, был в ходе карельской адаптации преобразован в *Uks-* или *Ukš-*, что и отразили топонимы *Укса (Uuksu)* на ливвиковской территории и *Укшозеро (Ukšarvi)* на людиковской.

Вхождение Уксы и окрестностей в исторический вепсский ареал хорошо согласуется с тем установленным выше обстоятельством, что вепсская колонизация территории на севере обуславливалась земледельческими предпочтениями населения. Район Салми, примыкающий к нижней Уксе, и сейчас является одним из наиболее благоприятных для ведения земледелия участков на восточном берегу Ладожского озера. В то же время севернее ландшафт и соответственно условия для ведения земледелия заметно меняются. После Питкяранты начинаются пологие сопки, склоны покрыты мореной и супесью, побережье скалистое, что малоинтересно для развития земледелия [Культурное окружение..., С. 21–22]. Продвижение же вглубь материка на север ограничивалось обширными болотами, тянущимися на север к Суоярви. Известно, что и карелы долгое время не проявляли интереса к освоению этой местности, заселение которой началось только где-то в XV веке, с одной стороны – с северного побережья Ладожского озера, с другой – с территории ливвиковского Сямозерья [Nämunen, 2011. S. 25]. Убедительным критерием вепсского прошлого восточного Приладожья (крайний северо-западный ливвиковский форпост – Салми) является бытование тут ливвиковского диалекта карельского языка, сформировавшегося в ходе ассимиляции вепсского языкового компонента карельским.

Подведем итоги. На протяжении всего второго тысячелетия границы вепсской этнической территории формировались с учетом ландшафтно-географических обстоятельств, форм жизнедеятельности, а также контактов с соседними этносами. На рубеже I-II тыс. н. э. вепсская этническая территория, маркированная археологически курганами Юго-Восточного Приладожья, а топонимически сопутствующим им типом ойконимов (названий поселений), включающим в себя древний вепсский антропоним, оформленный -I-овым формантом, тяготела к бассейнам рек Юго-Восточного Приладожья. При этом намечались уже основные пути дальнейшего освоения территории в Обонежье и Белозерье. В последующие века происходит активное освоение Онежско-Ладожского перешейка и Обонежья. То, что границы ареалов целого ряда топонимных моделей, имеющих вепские истоки, повторяют на многих участках границы Обонежской пятины XV века, можно, очевидно, трактовать таким образом, что историческая Обонежская пятина, во всяком случае в Заонежской части, объединяла вепскую этническую территорию. Соответственно, области, располагавшиеся за ее пределами в Белозерье, в верховьях рек Волжского бассейна, в среднем Поонежье, осваивались на следующем этапе, в результате проникновения туда вепских выходцев из Обонежья и Юго-Восточного Приладожья. Одновременно происходит постепенное сокращение вепского ареала на западе и юге, связанное с активным русским освоением водных путей, ведущих в Белозерье и Обонежье. Вепсская территория смещается в восточном направлении. При этом вепсы продвигаются на территории, освоенные субстратным финно-угорским населением, которое особенно выразительно проявляет себя в регионе Белозерья. Принципиальное значение для реконструкции юго-восточной границы вепского ареала имеет установление этноязыковых истоков финно-угорского населения Белозерья. Второй вопрос, ждущий внятного решения, – это плотный слой топонимов с основой *Vepsä-* в Северо-Западном Приладожье, в районе современной российско-финляндской границы: имеет ли топонимическая основа действительно этнонимические истоки, и если да, то каковы причины и хронология формирования данного ареала. Предложенные в литературе интерпретации [напр., Напольских, 2007] не представляются в должной мере аргументированными.

Литература

Башенькин А. Н. Средневековые могильники южных вепсов // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 99–102.

Винокурова И. Ю. Ритуал первого выгона скота на пастбища у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1988. С. 4–26.

Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1989. С. 76–83.

Карелия: энциклопедия в 3-х т. Т. 1. Петрозаводск: Издательский Дом «ПетроПресс», 2007. 398 с. (в тексте – КЭ).

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 254 с.

Кочуркина С. И. История и культура народов Карелии и их соседей (средние века). Петрозаводск: АУ РК «Информационное агентство «Республика Карелия», 2011. 223 с.

Кравченко А. В. Конспект флоры Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 403 с.

Культурное окружение северного побережья Ладожского озера. Финское культурное наследие в ландшафте северного побережья Ладожского озера. Helsinki: Miktor Oy. 231 с.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 345 с.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноисторического контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 352 с.

Муллонен И. И. Формирование системы расселения в южновепском ареале // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 224–237.

Муллонен И. И. Этнокультурный потенциал вепсской топонимии // Вепсы и этнокультурные перемены XX века. *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XXIV. Хельсинки, 2007. С. 39–56.

Напольских В. В. Происхождение самоназвания вепсов в контексте этнической истории Восточной Прибалтики // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 28–33.

Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л.: Наука, 1930. (в тексте – ПКОП).

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. 414 с. (в тексте – СРГК).

Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187.

Basilier Hj. Vepsäläiset Isajevan voolestissa // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia VIII 61. Helsinki, 1890. S. 43–84.

Kettunen L. Matkamuielmia Vepsän perukoilta // Virittäjä. 1918. S. 38–62, 95–104.

Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki: SKST 272, 1961. 220 s.

Omal mual Vierahal mual. Suojärven historia III / Toim. T. Hämynen. Saarijärvi: Saarijärven Offset OY, 2011. 511 s. (в тексте – Hämynen).

Saarikivi J. Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Tartu University Press, 2006.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000. (в тексте – SSA).

Väisänen A. O. Vepsäläisten luona v. 1916 // Kalevalaseuran Vuosikirja 49. Helsinki, 1969. S. 272–288.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:**Муллонен Ирма Ивановна**

директор, д. филол. н.

Институт языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН

ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910

эл. почта: mullonen@krc.karelia.ru

тел.: (8142) 784496

Mullonen, Irma

The Head of Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Science

11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia

e-mail: mullonen@krc.karelia.ru

tel.: (8142) 784496